

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ МИФА

С.Ю. Гуцол

Статья посвящена анализу оснований изучения феномена мифа как знаковой системы. Представлена и обоснована модель механизмов формирования и трансляции мифологической информации в культуре, согласно которой миф рассматривается как многостадийный необратимый процесс, описание каждого этапа которого отвечает той или иной существующей в культуре определению понятия «миф» (мифологическое имя, мифологический образ, мифологический нарратив), «действующее» в границах определенного этапа функционирования.

Ключевые слова: знак, миф, мифологическое имя, мифологический образ, мифологический нарратив.

Статтю присвячено аналізу засад визчення феномену міфу як знакової системи. Представлено та обґрунтовано модель механізмів формування й трансляції мифологічної інформації в культурі, згідно якої міф розглядається як багатостадійний незворотний процес, опису кожного етапу якого відповідає те або інше існуюче в культурі визначення поняття «міф» (мифологічне ім'я, мифологічний образ, мифологічний нарратив), «діюче» у межах певного етапу функціонування.

Ключові слова: знак, міф, мифологічне ім'я, мифологічний образ, мифологічний нарратив.

The article deals with the analysis of the basis underlying study of the myth phenomenon as a sign system. Presented and justified was the model of mechanisms of forming and translating mythological information in the culture, according to which the myth is a multistage irreversible process. The description of each stage of this process corresponds to one or another definition of «myth» that exists in the culture (mythological name, mythological image, mythological narrative), «active» within a certain stage of functioning.

Key words: sign, myth, mythological name, mythological image, mythological narrative.

Актуальность. С начала XX века семиотический подход становится объективной реальностью многочисленных исследований как в фундаментальных науках, так и в теории художественного творчества. Предметом изучения семиотики являются разнообразные естественные и искусственные знаковые системы: язык, миф,

обряд, литература, кино, изобразительное искусство, музыка, а также история, сам человек и феномен жизни вообще. В центре внимания семиотического подхода – передача, трансляция социального опыта в пространстве и времени.

Одной из центральных проблем современной семиотики остается вопрос о характере связи между знаком и его значением, существо которого можно определить следующим образом: является ли взаимосвязь знака и значения условной и установленной по усмотрению людей или же, напротив, такая связь является совсем не случайной и отражает неразрывную, необходимую зависимость знака от своего содержания.

В современном семиотическом знании попытки разрешить эту проблему представлены двумя основными концептуальными «линиями». «Линия Пирса» рассматривает знак как посредник между пользователем языка и объектами внешнего мира, а знаковую систему – в качестве медиатора между внешним миром, средой и пользователем [11; 12].

Практически одновременно и независимо в семиотических исследованиях выделилась «линия Соссюра», исходным пунктом которой является знаковая система в своем единстве и целостности. Знак рассматривается автором как ментальный конструкт, имеющий две компоненты (означающее и означаемое), раскрывающий свою внутреннюю структуру в коммуникациях [13; 14].

Антитетичность этих концепций фундирует противоречивость последующих теорий, построенных в рамках традиций Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра, которые не позволяют в полной мере моделировать процессы социокультурных изменений, воспроизводящие одновременно как некоторые устойчивые, так и изменчивые характеристики.

В этой связи особое значение представляют работы известного итальянского семиотика и философа У. Эко [16; 17]. В рамках его философско-культурологической концепции устанавливается взаимодополняемость семиотических концепций Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра, которая позволяет раскрыть специфику процессуальной природы знака в коммуникациях, что, в свою очередь, может являться основанием для коммуникативно-семиотического моделирования различных культурных модусов.

Таким образом, семиотический подход к исследованию многочисленных феноменов культуры и механизмов их функционирования становится чрезвычайно актуальным в связи с выявлени-

ем глубинной общности проблем теории культуры, мифологии и языка.

Предмет исследования. В рамках нашего исследования, формирование и трансляция знаковых структур мифа будут рассматриваться в контексте семиотических механизмов культуры. **Целью данной статьи** является выделение основных этапов становления мифа как знаковой системы, построение модели механизмов формирования и трансляции мифологической информации.

Для достижения поставленной цели мы будем опираться на результаты исследований феномена информации в русле постнеклассической парадигмы, согласно которым, самоорганизуемость как неотъемлемое свойство культурных систем обуславливает возможность применения основных положений теории информации к анализу механизмов трансляции мифов и мифоподобных образований в современной культуре [10, с.107–140].

Рассмотрим предложенную И.В. Мелик-Гайказяном модель информационного процесса [9, с.106], на основе которой, с точки зрения Н.А. Лукьяновой [8], можно проследить семиотические механизмы формирования и трансляции мифологических знаковых структур в диахроническом и синхроническом аспектах (рис. 1).

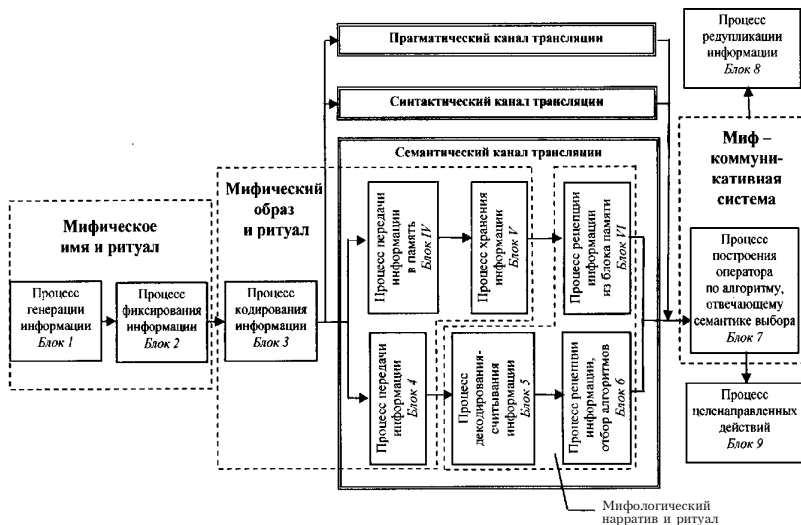

Рис. 1. Информационная модель формирования и трансляции семиотических структур мифа в культуре

Раскроем ключевые положения этой базовой для нашего исследования модели. Многостадийность формирования и трансляции семиотических структур мифа представлена в последовательности этапов этого процесса, а его необратимость во времени на рисунке схематически показана с помощью стрелок, связующих эти этапы. Так, информация генерируется и фиксируется как выбор, который случайно запомнился (блоки 1 и 2), затем кодируется, то есть облекается в необходимые для дальнейшей передачи знаковые формы (блок 3).

Для построения оператора (блок 7), предназначенного для достижения целей, которые детерминированы содержанием исходного выбора, информация транслируется по определенным каналам (от блока 3 до блока 7). Количество каналов определяется (по крайней мере, в социокультурных системах) структурностью знаковых систем: семантикой, синтактикой и прагматикой.

Информация транслируется в синхроническом (блоки с арабскими цифрами 4, 5, 6) и в диахроническом (блоки с римскими цифрами) планах. Закодированная в соответствии с «форматом» канала информация передается непосредственно (блок 4), а затем она декодируется (блок 5) и воспринимается (блок 6). В диахронии информация передается в «память» (блок IV), хранится (блок V), рецептируется (блок VI).

Информация становится действенной в процессе построения некоторой технологии для совершения целенаправленных действий (блок 9) или тиражируясь (блок 8) в социокультурной системе. Для этого необходим отбор полученной по каналам связи, транслируемой в системе полезной для построения оператора (блок 7) информации.

Соотнесем основные психолого-философские наполнения понятия «миф» с возможностями интерпретации этого феномена, вытекающими из анализируемой модели информационного процесса.

Психологические направления исследования мифа выявляют сложные ассоциативные связи между сознательным и бессознательным, зашифрованные в символическом коде, архетипах мифа. Можно заключить, что в контексте обсуждаемой нами модели формирования и трансляции семиотических структур мифа, работы В.Вундта, К.Г. Юнга, З. Фрейда акцентируют взаимосвязи процессов кодирования и рецепции во всех представленных в модели каналах.

Например, у Ф.В. Шеллинга миф представлен как запечатление реалий иных миров и непроявленных смыслов, по своей сущности трансцендентный и внеэмпирический. С нашей точки зрения, эти свойства мифа отражаются во взаимосвязях между стадиями генезиса и кодирования (блоки 1–3), разворачивающихся в семантическом канале.

С другой стороны, в исследованиях Г. Спенсера, миф выступает как организующее начало социальных отношений и общественных связей. В представленной модели эта роль мифа выражается связью воздействия прагматического канала на работу оператора (блок 7).

Согласно выводам таких исследователей, как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, Я. Grimm, миф формирует основные лингвистические структуры, что в анализируемой нами модели соответствует процессам, происходящим в блоке 3. На первый взгляд, воззрения этих авторов противоречат позиция И.М. Тронского и О.М. Фрейденберг, согласно которой миф бессловесен и наиболее полно выражается в пластической структуре обряда. Однако, с нашей точки зрения, в представленной модели это противоречие нивелируется, так как позиция И.М. Тронского и О.М. Фрейденберг отражается содержания семантического (блоки 1–3) ядра в канале, транслирующем синтактику знаковых систем.

С точки зрения мыслителей эпохи Просвещения, миф – это фантазия, являющаяся результатом невежества, что в презентуемой нами модели соответствует изменчивости информации, проявляющейся на этапах VI и 8.

В.В. Иванов, К. Леви-Строс, В.Н. Топоров обосновали структурность и логическую наполненность мифа, что на языке обсуждаемой модели можно описать как воздействие семантического канала на построение оператора.

Таким образом, информационная модель формирования и трансляции семиотических структур мифа в культуре позволяет обнаружить в различных способах артикуляции понятия «миф» не столько противоречия, сколько возможность определения границ интерпретаций различных сущностей мифа (исходная точка сакрального, вербальный или невербальный образ, повествование, воплощение в формы социальной жизни и пр.).

Перейдем к рассмотрению этапов становления мифа как знаковой системы. В современном научном знании не существует достоверных представлений о том хаосе, который предшествовал

зарождению мифа, однако, не вызывает сомнений тот факт, что когда-то миф преодолел этот хаос, создал первую интеллектуальную картину мира. Началом этой упорядоченности, с точки зрения многих ученых, послужили именованя мира.

Итак, на первом этапе своего существования миф актуализируется как имя [7]. На этой стадии генерации информации фактически отсутствует детализированный образ, существует только имя как вид, лик. Ритуал в этом случае проявляет себя как акт воссоздания сущности, находящейся в имени, этой ощутимой отличности, которую мифическое имя фиксирует.

Людам свойственно давать имена предметам и явлениям, поскольку существование имени обеспечивает реальную возможность контакта с окружающим миром и даже призрачную возможность контроля над ним, что, в свою очередь, может способствовать развитию диалога между человеком и природой. Здесь уместно говорить о таком свойстве информации как семантика, которое проявляется не как определенный смысл, а скорее как сознательный выбор варианта дальнейшего развития. Рождение мифологического имени происходит вследствие особого отношения к природе, миру, определенным предметам и явлениям. Мифологическое сознание в большей степени интуитивно, и имя не характеризуется дифференциальными признаками, а только обозначает объект, к которому оно прикрепляется. Ритуал на этом этапе выступает средством, с помощью которого происходит именованя мира (давая имя человек, проводит определенные действия с объектом наделяемым именем). Миф как имя являлся предметом исследований таких ученых, как Л. Леви-Брюль, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, О.М. Фрейденберг и др.

Как показал Ю.М. Лотман, в мифе, каждое слово стремилось к тому, чтобы стать именем собственным. Согласно взглядам автора, «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» [6, 60], общее значение которого в своей предельной абстракции сводится к мифу.

Ю.М. Лотмана в своих научных разработках опирается на традиции русской религиозной философии конца XIX – начала XX столетий, в частности, – исследования А.Ф. Лосева, который, в свою очередь, артикулировал миф как «развернутое магическое имя», «чудесную личностную историю», определив эти формулы как окончательные и корневые.

На втором этапе формирования (трансляции) мифологических структур архаическое сознание объединяет имя и облик, «ин-

туитивное ощущение» переходит в восприятие [8]. Происходит формирование синкретического мифологического образа как отражение или выражение некоего предмета или его определенных качеств (структурно объединенных в форму некой конкретной предметности), и наделенных определенным значением, что обуславливает неразделенность слова, вещи и действия, поскольку целостное отражение предметов, явлений, событий предполагает как дифференциацию в воспринимаемом объекте отдельных признаков, так и их синтез. Соответственно, на этом этапе формирования мифа ритуал существует в неразрывном единстве с мыслью и образом. Миф как образ артикулировали в своих трудах Л. Витгенштейн, Я.Э. Голосовкер, Вяч.Вс. Иванов, А.Ф.Косарев, В.Н. Топоров, О.М. Фрейденберг и др.

Обратим внимание, что на этой стадии мифологический образ и ритуал как знаковые структуры эволюционируют в двух направлениях. С одной стороны, существуя в синхроническом аспекте, они влияют на деятельность социума непосредственно, и мы говорим о существовании актуального мифа, который трансформируется в новую знаковую структуру – мифологический нарратив, который является следующим этапом функционирования мифа. Мифологический нарратив начинает формироваться, когда изначальное предназначение ритуала, его логика, место и время проведения, многочисленные детали постепенно забываются и транслируются в основном голые мифологические сюжеты, пытающиеся обосновать присутствие мифологического образа и ритуала в настоящем времени [8].

С другой стороны, мифологический образ и ритуал как составляющие информационного процесса (которым является процесс формирования и трансляции мифа) забываются в силу свойства брэнности, но, впоследствии, как некие полузабытые они могут проявляться в более поздний временной период. Таким образом, мы наблюдаем трансляцию мифологической знаковой структуры из прошлого в настоящее, и в этом случае мы говорим о современной интерпретации мифа. Однако любая интерпретация связана с трудностями декодирования. Не следует забывать, что совершая попытки проекций архаических образов в современность, мы имеем дело с отвлеченным от первоначальной семантики знанием.

Можно заключить, что на этапе кодирования синкретический мифический образ становится знаком, готовым к передаче по каналу связи либо пользователю, способному считывать и декодиро-

вать информацию, либо в блок «памяти». Также обратим внимание, что на этой стадии синкретический образ не разграничивает слово, вещь и действия [2, с.615] и выступает как триада «мысль – слово – дело» [4, с.34–47].

С нашей точки зрения, эти процессы целесообразно рассматривать с постструктуралистской позиции Р. Барта, отличающейся от классического лингвистического подхода к определению знака (означающее и означаемое), предложенного Ф. де Соссюром, согласно которому единица звукового представления и единица смысла остается внутренне неподвижным. Вторичный, «метаязыковой» знак-миф, описанный Р. Бартом, наполнен совершенно иным содержанием. В нем имеет место не жесткая механическая смычка означающего и означаемого, а непрерывный переход смысла и формы: означающее в мифе является одновременно и смыслом и формой.

Как смысл означающее предполагает возможность прочтения. Согласно взглядам Р. Барта, смысл по отношению к форме является чем-то вроде хранилища конкретных событий, заключает в себе определенную систему ценностей. И поскольку, в форме все это «богатство» постоянно теряется, она должна вновь наполняться новым значением. Таким «новым значением» является понятие, означаемое мифа, которое позволяет восстановить цепь причин и следствий, движущих сил и интенций, через него в миф вводится новая событийность, поскольку означаемое мифа всегда связано с той или иной конкретной ситуацией [1].

Таким образом, на основе предложенной модели мы проследили динамику семиотических структур мифа как процесс, начинающийся с интуитивного выбора имени и заканчивающийся формированием мифологического нарратива.

Проанализируем особенности функционирования мифа как оператора (блок 7) [7]. На этом этапе информация, «доставленная» по всем каналам, становится действенной, служит созданию способа, инструкции, программы для совершения целенаправленных действий. Для определения четвертого «воплощения» мифа в информационной знаковой динамике важно понять, каким целям служит миф сегодня.

Как показал Р. Барт, определяющим для динамики мифа является способ, которым он высказывается. С нашей точки зрения, именно этот способ и является сущностью мифа-оператора, мифа коммуникативной системы. В своей работе «Миф сегодня», автор подчеркивает, что миф – это слово, избранное историей для

определенного социального применения – быть коммуникативной системой; быть способом передачи сообщений, воспринимаемых мгновенно, несущих смысл, угадываемый на бессознательном уровне [1].

В результате функционирования информационных каналов вырабатывается множество культурных социокодов, способов фиксации программ социального поведения, общения и деятельности, определяемых совокупностью всех мировых культур [15]. Инвариантом этих социокодов, «общим знаменателем», который необходим для коммуникаций в поликультурном мире является компонента мифа. «Эти программы существуют в виде знаний, навыков, умений, образцов деятельности, поведения и общения, норм, правил, ценностей, мировоззренческих установок. Условием хранения и трансляции этого опыта является его фиксация в особой знаковой форме» [15, с.20].

На этом этапе своего преобразования миф не просто образ или нарратив, это материал, уже наделенный определенным значением и обработанный для целей определенной коммуникации [1, с.235]. По сути, это и есть процесс функционирования мифа как оператора коммуникационной системы, проартикулированного Р. Бартом как значение, третий элемент семиологической системы [1, с.246]. Используя пространственные метафоры, Р. Барт сравнивает значение мифа как итогового элемента вторичной системы со стендом-вертушкой, на котором означающее постоянно оборачивается то смыслом, то формой, то языком-объектом, то метаязыком, то чисто знаковым, то чисто образным сознанием [1, с.248].

Эти рассуждения Р. Барта представляют большой интерес для целей нашего исследования, поскольку позволяют выявить особенности трансляции мифа по диахроническому и синхроническому каналам. В своем значении миф, действительно, выполняет двойную функцию: с одной стороны, как означающее (смысл – форма) он обозначает и внушает, с другой стороны, как означаемое (понятие) дает адресность и «требует» понять.

Таким образом, при трансляции мифа в синхроническом аспекте в истории культуры существуют одновременно мифологическое означающее (смысл и форма) и означаемое (понятие), образуя тем самым повествовательный миф (мифологический нарратив), актуальный сейчас.

С другой стороны, существуя в диахронии, миф теряет свою предназначенность. Поскольку мифические понятия не устойчивы, они меняются, исчезают. На этапе кодирования миф (значе-

ние) как бы замирает, а означаемое (понятие) исчезает или/и теряется во времени, остается означающее (смысл – форма) – мифический образ.

Таким образом, мы приходим к выводу, что динамика знаковых структур мифа отображает эволюцию когнитивной информации и охватывает целый комплекс явлений, относящихся к различным областям деятельности человека. Этот процесс начинается с запоминания случайного выбора, который совершает эта система при переходе от «хаоса» к «порядку», и завершается целенаправленным действием, согласно социокоду, соответствующему семантике первоначального выбора.

С точки зрения М. Маклюэна (выдающегося теоретика воздействия артефактов как средств коммуникации), миф не хромает, а прыгает (to jump at conclusions – «прыгать на выводы», т. е. приходиться к выводам без рассуждений) [18, с. 254]. Схематически траекторию этих «прыжков» можно обозначить следующим образом: имя – образ – нарратив – коммуникативная система [8].

Выводы. Подводя итоги нашего исследования, важно заключить, что представленная семиотическая модель формирования и трансляции знаковых структур мифа дает возможность рассматривать его как многостадийный необратимый процесс (набор когерентных развивающихся, интерактивных процессов), описание каждого этапа которого соответствует то или иное существующее в культуре определение понятия «миф» (мифологическое имя, мифологический образ, мифологический нарратив), «действующее» в границах определенного этапа функционирования.

В своей основе механизмы трансляции знаковых структур мифа соответствуют функционированию синкретического мифологического образа, который далее продолжает свое существование либо в синхроническом, либо в диахроническом аспектах; при этом, в диахронии транслируется только мифологическое означающее (форма и определенный «смысл»), а означаемое (концепт) теряется в процессе трансляции.

Перспективным направлением продолжения данного исследования нам представляется изучение мифологического наследия как определенным образом структурированной знаковой ситуации в современных коммуникативных процессах: искусстве, литературе, СМИ, рекламе, моде, спорте, политике и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Мифология: Пер. с фр. / Вступ. ст. и коммент. С.Н.Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковой, 1996. – 313 с.
2. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 911 с.
3. Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. – Пушкино: Пушкинский научный центр АН СССР, 1991. – 204 с.
4. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М.: ПЕР СЭ, СПб: Университетская книга, 2000. – 304 с.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской литературы, 1999. – 464 с.
6. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. – Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 58-75.
7. Лукьянова Н.А. Знаковые структуры мифа в динамике социальных коммуникаций // Информация. Коммуникация. Общество: сб. докладов и выступлений. – СПб.: Санкт-петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», 2003. – С. 272–274.
8. Лукьянова Н.А. Семиотические механизмы трансляции мифа: Автореф. дисс. ... канд. Филос. Наук: 09.00.13. / Томский политехнический университет – Томск, 2001. – 19 с.
9. Мелик-Гайказян И.В, Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. – М.: Наука Физматлит, 2001. – 272 с.
10. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука. Физматлит, 1998. – 192 с.
11. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
12. Нет В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. – 2001. – Вып. 3/4. – С.5-33.
13. Соссюр Ф. Де Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – М.: Прогресс, 2000. – 280 с.

14. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Труды по языкознанию: Пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем – М.: «Прогресс», 1977. – 696 с.
15. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М.: Высш. шк., 1992. – 191 с.
16. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
17. Эко У. Открытое произведение. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.
18. McLuhan M. Essential McLuhan. – N.Y.: Basic Books, 1995. – 361 p.